

Валентин Пикуль

Мясоедов, сын Мясоедова

Часть сборника
*Тайный советник. Исторические
миниатюры*

Валентин Саввич Пикуль
Мясоедов, сын Мясоедова
Серия «Тайный советник», книга 49

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124966

*Пикуль В. Тайный советник. Исторические миниатюры: АСТ, Вече;
2001*

Аннотация

«...Я позволю себе сослаться на записки Н. А. Киселева, сына пейзажиста, который в Ване Мясоедове встретил ребенка, не желавшего признавать слово «нельзя». На каждое «нельзя» он отвечал гнусным, противным воем. В нем сразу же «стали выявляться его отрицательные стороны, чего так боялась моя мать. Он оказался абсолютно невоспитанным. Ни в малейшей степени ему не были знакомы самые примитивные правила поведения». Сколько ни билась с ним добрейшая Софья Матвеевна, ничего не получалось, и у нее скоро опустились руки:
– Исчадие ада! Что из него выйдет – подумать страшно...»

Валентин Пикуль

Мясоедов, сын Мясоедова

В Московском училище живописи, ваяния и зодчества ожидали визита высокого начальства, когда в кабинет князя Львова, директора училища, ввалился швейцар и пал в ноги:

– Ваше сиятельство, стыда не оберемся... избавьте!

– В чем дело, милейший? – удивился князь и только тогда заметил, что швейцар перепоясан, словно кушаком, толстою железною кочергой. – Да кто ж это тебя так, братец мой?

– Опять Ванька... Мясоедов, сын Мясоедова! Завязал курам на смех, а мне-то каково в дверях гостям кланяться?

Владимир Милашевский писал: «Оригиналом из оригиналов, уникамом, перед которым все меркло, был художник Иван Мясоедов», сын знаменитого передвижника Григория Григорьевича Мясоедова.

Г. Г. Мясоедов был человеком сложным, в общении невыносимым; его резкий самобытный характер иногда оказывался даже для друзей и близких тяжел не по силам. Не ужившись с первой женой – пианисткой, он сошелся с молодой художницей Ксенией Ивановой, которая в 1881 году родила ему сына – Ивана. А далее начинаются загадки, которые можно истолковать лишь причудами большого таланта. Григорий Григорьевич не позволил жене проявлять материнских чувств, мальчику же внушал, что его мать – это

не мать, а лишь кормилица. Не отсюда ли, я думаю, не от самой ли колыбели и начался острейший разлад между отцом и сыном?..

Наконец Г. Г. Мясоедов безжалостно оторвал ребенка от матери, доверив его заботам семьи своего друга – пейзажиста А. А. Киселева (тогда еще москвича). Это случилось, когда Мясоедов позировал Репину для картины «Иван Грозный и сын его Иван». Облик художника воплотился в облике царя-убийцы, а позже Мясоедов вспоминал:

– Илья взял царя с меня, потому что ни у кого не было такого зверского выражения лица, как у меня...

А семья Киселевых была талантливая, веселая, многодетная. Софья Матвеевна, жена художника, решила заменить Ване родную мать. Казалось, этот отверженный подкидыш попал в общество сверстников, здесь и обретет счастливое детство. Но этого не произошло... Я позволю себе сослаться на записки Н. А. Киселева, сына пейзажиста, который в Ване Мясоедове встретил ребенка, не желавшего признавать слово «нельзя». На каждое «нельзя» он отвечал гнусным, противным воем. В нем сразу же «стали выявляться его отрицательные стороны, чего так боялась моя мать. Он оказался абсолютно невоспитанным. Ни в малейшей степени ему не были знакомы самые примитивные правила поведения». Сколько ни билась с ним добрейшая Софья Матвеевна, ничего не получалось, и у нее скоро опустились руки:

– Исчадие ада! Что из него выйдет – подумать страшно...

В ту пору передвижники жили единой дружной семьей (разлады в их Товариществе возникли позже). Когда устраивались выставки картин в Москве, это событие отмечалось добрым застольем в доме Киселевых – шумно, весело, празднично. Детей кормили отдельно от взрослых, но гости пожелали увидеть сына своего собрата – Ваню Мясоедова. Николай Маковский больше других упрашивал Софью Матвеевну:

– Да покажите нам его... Что вы прячете?

– Прячу, ибо знаю, что добра не будет.

– А все-таки покажите, – настаивал Маковский.

Мясоедов, сын Мясоедова, был представлен гостям. Но глядел на всех волчонком, исподлобья. Убедившись, что смотрины его закончены, мальчик вдруг шагнул к Николаю Маковскому, одетому лучше всех, вытер сопливый нос об рукав его сюртука... Это была уже не шалость капризного ребенка – это было умышленное злодейство. Софья Матвеевна при всех расплакалась.

– Чаша моего терпения переполнилась...

После этого казуса Мясоедов забрал свое немислимое чадо от Киселевых и в 1891 году пристроил его в полтавское реальное училище, которое Ваня и закончил, не блистая аттестацией. Но «искра Божия» уже была в душе Мясоедова-сына, и юноша, оставив тихо дремлющую Полтаву, поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Киселевы тогда уже перебрались на берега Невы, учителями

Ивана стали превосходные мастера – Н. А. Касаткин и В. Н. Бакшеев.

Бакшеев говорил Григорию Григорьевичу:

– Ваш сынок Ваня – ах, какой это талантище!

– Несчастье мое, – отвечал Мясоедов-отец...

А ведь Бакшеев не льстил маститому передвижнику, его сын получал высшие оценки в живописи и в рисунке. Бакшеев не стал допытываться, в чем отец видит «несчастье», но в своих мемуарах отметил: «Он боялся, что его сын пойдет по пути артистов цирка и бросит живопись...»

– «Д у б и н а!» – отозвался отец о сыне.

Правда, что Ванечка рос богатырем. Его физическое развитие совпало по времени с развитием русского спорта, когда чемпионаты силовой борьбы становились праздниками для народа. Иван все чаще отрывался от мольберта – ради цирковой арены. Феноменально могучий от природы, он увеличивал силу беспощадными тренировками. Его внимание обратилось к античному миру, потому что там царил культ человеческого тела. Иван освоил греческий язык, дабы легче проникнуть в древний мир гармонии и красоты. В цирках он выступал за деньги, как профессиональный борец, под псевдонимом «де Красац». Отец, узнав об этом, презрительно фыркнул:

– Чемпион мира и окрестностей...

Иван Мясоедов своего добился, его фигура обрела удивительную гармоничность, он походил на Геркулеса. Я вот

думаю: что это – мода, поветрие? Ведь тогда же портретист Браз ударом кулака разрушал каминьы и печи, Машков и Кончаловский (еще молодые ребята) изображали себя обнаженными, демонстрируя свои мышцы, а наш чудесный мастер Мешков на своих плечах относил на водопой жеребенка и таскал его к реке до тех пор, пока жеребенок не превратился в коня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.